

**ДЕМОКРАТИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ
АКТИВНОСТИ НА МЕСТАХ В ПЕРИОД ПЕРЕСТРОЙКИ
В СССР 1985–1991 гг.**

Шех Александр Владимирович

заместитель директора частного общеобразовательного
учреждения «Частная школа № 1 города Мурманска»;
магистр исторического образования
(г. Мурманск, Российская Федерация)

Обновление государства и общества, начатые Михаилом Сергеевичем Горбачевым, оказали значительное влияние на гражданское сознание и вызвали фактически бесконтрольную массовую активность по подготовке альтернативных предложений по всем основным направлениям развития страны, что привело к начавшимся в конце 1980-х годов сепаратистским тенденциям.

В период перестройки 1985–1991 гг., начатой по инициативе новых лидеров страны М. С. Горбачева, Н. И. Рыжкова и

Б. Н. Ельцина, периодически появлялись самодеятельные общественные и политические организации, создаваемые обычными гражданами по своему усмотрению, на энтузиазме. Назывались они неформальными потому, что находились вне рамок формальных государственных организаций, подконтрольных КПСС. В стране практически отсутствовали юридические нормы, на основании которых новые клубы, общества, ассоциации могли быть зарегистрированы и получить законный статус.

Известный в США политолог С. Коэн полагал: «Самое главное, но и самое трудное – демократизация в самой КПСС. Без нее может не сработать и всё остальное...» [8].

Вопросы демократизации КПСС шли по двум направлениям.

1. Официально-институциональная демократизация: структурные изменения в партии, связанные с появлением альтернативных выборов, новых органов власти, расширением гласности, критичности в работе.

2. Неформально-самодеятельная демократизация: появление внутри КПСС партийных клубов, объединений, обществ, платформ коммунистов. Партийные неформалы в свою очередь делились на ортодоксов и демократов [6, с. 318].

11 ноября 1988 года в газете «Правда» были опубликованы заметки публициста Мирослава Бужкевича «Демократическое половодье», в которых шла речь о некоторых аспектах деятельности неформального движения. Автор в частности обращает внимание на преобладание в части активистов-неформалов личностных мотивов: «В столице, да и в ряде других крупных центров, в движение включились главным образом молодые в возрасте 25–35 лет научные работники. В силу объективных и субъективных причин за годы застоя они не смогли добиться признания в своих коллективах, до конца раскрыть способности, как модно сейчас говорить, самовыразиться и самоутвердиться. Когда началась демократизация нашей жизни, возрождение гласности, такие люди пришли в клубы, различные ассоциации. Пришли, чтобы громко заявить о себе, доказать свою радикальную смелость. И каждый хочет иметь собственную организацию» [2]. Активисты, разумеется, иначе определяли социальные основания своей деятельности и позиции. По мнению сотрудников Полярного геофизического института Кольского научного центра АН СССР, лидеров мурманской региональной организации Добровольного общества содействия перестройки В. Ляцкого, В. Сафаргалиева, Б. Панина, появление неформальных организаций «вызвало растерянность руководства, привыкшего управлять безропотно послушным народом. Противодействие, оказываемое властями неформальному движению, способствовало его радикализации. Многие из политклубов требовали предоставления гарантированных Конституцией СССР прав, возможности открыто защищать свои взгляды и выдвигать кандидатов в Советы народных депутатов».

Неформалов часто называли экстремистами. Это неправильное и мешающее пониманию и конструктивному диалогу определение. Экстремистами принято называть людей, призывающих или толкающих страну к насилию или анархии. Подавляющее большинство неформальных организаций выступали убежденными сторонниками ненасильственных законных методов борьбы, убежденными сторонниками правового демократического государства» [2].

В этот же период в Латвийской ССР произошли события, исторические последствия которых показали наивность размышлений о демократии и плюрализме мурманских активистов. Президиум Верховного Совета Латвийской ССР принял указ о статусе латышского языка. На территории республики латышский язык стал государственным и начал утверждаться во всех сферах жизни. Для федеративных отношений, как и прежде, предполагалось использовать русский язык в качестве языка межнационального общения и одновременно осуществить языковую адаптацию русскоязычного населения, (это вполне демократичный принцип, пока он не дополняется правовой дискриминацией) выдвигались новые требования к системе языкового образования. Так, профессор Латвийского государственного университета А. Варславанс отметил: «У русскоязычного населения просто не было возможности наравне с коренными жителями изучать латышский язык. Время, которое отводилось на изучение этого языка в русских школах, значительно меньше, чем в латышских» [7].

Несколько другую позицию, озвученную им на встрече с секретарем ЦК КПСС В. А. Медведевым в феврале 1989 года в Минске, относительно национального самосознания занимал секретарь Минского горкома Коммунистической партии Белоруссии П. К. Кравченко: «Молодая белорусская нация, получившая благодаря Великому Октябрю свою государственность, мощно и ярко заявила о себе во всех сферах национального самовыражения. Рождались национальные школы во всех сферах культуры и искусства, появились произведения высокого творческого звучания. Раскрепощенный дух, раскрепощенный творческий потенциал молодой нации творил чудеса. Чем более пристально вглядываемся мы в этот период, тем более удивляемся, сколько удалось сделать тогда за неполное десятилетие. К сожалению, он сопровождался и определенными просчетами и ошибками в ходе так называемой кампании «белоруссизации», которая была использована Сталиным в качестве формального предлога для развязывания страшных репрессий, уничтоживших цвет белорусской интеллигенции, более трети численного состава республиканской партийной организации. Второй период, непродолжительный по времени, приходится на первую треть 50-х годов. Возникшая в этот период возможность расширения сферы употребления белорусского языка не была реализована» [3, л. 14–15].

Тогда же академик, директор Всесоюзного центра изучения общественного мнения и социально – экономических проблем при ВЦСПС и Госкомтруде Т. И. Заславская полагала: «Одной из причин недостаточно быстрого развития перестройки является распыленность сил ее сторонников. Я не вижу социальной основы для создания какой-либо дополнительной партии, но мне кажется, часто наша Коммунистическая партия могла бы быть дополнена некоторыми новыми общественными образованиями типа Народного фронта или Союза содействия перестройке, который имел бы определенный политический статус – и содействовал консолидации единомышленников» [5].

Иной позиции на вопросы перестройки и демократизации придерживался М. С. Горбачев. В своём выступлении в качестве Председателя Верховного Совета СССР, говоря об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР, он заявил: «Фундамент перестройки и решающий фактор достижения её целей – глубокие преобразования в экономической и социальной сферах. Смысл всей работы в этой области – повернуть экономику к человеку, создать достойные нашего времени условия труда и жизни советских людей. Речь идет, прежде всего, о таких вопросах, как продовольствие, жильё, услуги, охрана здоровья, защита природы, подъём образования, науки и культуры. Нам надо коллективно разобраться в сложившейся ситуации, подойдя к её оценке с правдивых, реалистических и требовательных позиций. Важно видеть всю картину, как она есть с тем, чтобы закрепить, придать большую динамику и устойчивость всему, что удалось сделать позитивного и в то же время – решительно избавиться от того, что явилось результатом допущенных просчетов в политике практической деятельности, как в центре, так и на местах» [4].

Специфической особенностью Мурманской области, по нашему мнению, являлась меньшая политизированность ее населения по сравнению с другими промышленными и интеллектуальными центрами России, политический процесс в регионе не был ярко выражен. Этим можно объяснить меньший спектр представленных зарегистрированных организаций, чем по России в целом. Вместе с тем, именно представитель Мурманской области А. М. Оболенский наравне с М. С. Горбачевым пытался бороться за пост руководителя страны [1, с. 192]. В силу своей малочисленности, разобщенности, а также из-за отсутствия доступа к средствам массовой информации, неформальные политизированные формирования так и не смогли составить реальную оппозицию КПСС в регионе.

Политическая реформа изменила СССР, неожиданно выдвигнув на первый план ключевую союзную республику – РСФСР, оказав тем самым влияние на общественно-политическое развитие стратегически важных регионов, таких как Мурманская область. Прежде всего, происходила инволюция руководящей роли КПСС не только на общесоюзном, но и на региональном уровне.

Список использованной литературы

1. Горбачев, М. С. Понять перестройку... Почему это важно сейчас / М. С. Горбачев. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2006. – 400 с.
2. ДОСП: Наш взгляд на неформальное движение // Комсомолец Заполярья. – 1988. – 19 ноября.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) Стенограммы встреч члена Политбюро, Секретаря ЦК КПСС т. Медведева В. А. во время пребывания в Белорусской ССР 27 февраля – 1 марта 1989 г. – Ф. 4п – Оп. 160 – Д. 1008. Л. 114–115.
4. Об основных направлениях внутренней и внешней политики СССР. Доклад Председателя Верховного Совета СССР М. С. Горбачева // Полярная Правда. – 1989. – 31 мая.
5. Областные неформалы. Кто они? // Полярная Правда. – 1988. – 11 июня.
6. Попова, Н. А. Формирование в современной России многопартийности и института оппозиции // Российская историческая политология. – Ростов н/Д, 1998.
7. Принят Указ о статусе латышского языка // Комсомолец Заполярья. – 1988. – 19 ноября.
8. Строим дом многопартийный. Этапы развития самостоятельного политического движения в Мурманской области // Советский Мурман. – 1991. – 30 апреля.